

Е. С. Шерстенникова

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ ПО АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ. Во второй половине XIX в. в России назрела необходимость создания музея, в котором концентрировались бы этнографические, археологические и антропологические коллекции, хранившиеся в Академии наук. Рассматриваются этапы создания первой постоянной экспозиции организованного в Санкт-Петербурге в 1879 г. нового академического Музея по антропологии и этнографии. Выделившиеся в начале XIX в. из состава Петербургской Кунсткамеры Анатомический и Этнографический музеи к середине века были фактически недоступны как для публики, так и для ученых. Объединение коллекций этих музеев, создание новых экспозиционных площадей (1888 г.) стимулировало развитие МАЭ как научно-исследовательского и просветительного центра. Роль директора МАЭ академика Л. И. Шренка и ученого хранителя Ф. К. Руссова в организации первой постоянной экспозиции музея и решении проблемы доступности ранних этнографических, археологических и антропологических коллекций особенно велика. Основные принципы организации и построения первой постоянной экспозиции МАЭ (1889–1891) воссозданы по архивным материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и Музея антропологии и этнографии, а также на основании изданного в 1891 г. Ф. К. Руссовым «Путеводителя по Музею Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экспозиция академического музея, Л. И. Шренк, Ф. К. Руссов, Музей по антропологии и этнографии

УДК 069.02(061.12)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-168-178

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ШЕРСТЕННИКОВА — главный администратор отдела приема и экскурсионного обслуживания посетителей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: KaterinaShers@mail.ru

Девятнадцатый век стал временем создания крупных этнографических музеев в Европе и Америке. Многонациональная Россия как никакая другая страна нуждалась в подобном учреждении и могла предоставить для такого музея богатейшие материалы. В конце XIX в. вследствие взаимных контактов многие народы утрачивали черты национальной самобытности, что требовало немедленного сбора коллекций для сохранения исторической памяти. Исследование проживающих или проживавших на территории России народов провозглашалось одной из важнейших задач Императорской Академии наук (далее — ИАН).

Специализированные музеи ИАН, в первой трети XIX в. выделившиеся из состава Петербургской Кунсткамеры, к середине столетия находились в различном положении. Зоологический музей, в частности, занимал лидирующие позиции, имел открытую для публики экспозицию и одновременно являлся ведущим научно-исследовательским центром. Другие же академические музеи имели весьма ограниченное финансирование, штат и площади и оставались лишь хранилищами вещей, закрытыми для публики. В Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук хранится дело «Об учреждении при Академии наук Музея антропологии и этнографии преимущественно России» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6). Дело было начато в конце октября 1878 г., а закончено в апреле 1881 г. Руководители академических музеев высказывали мнение о том, что Россия нуждается в объединенном музее по антропологии, этнографии и археологии. Разрозненные узкоспециализированные музеи имели недостатки, о чем неоднократно упоминали в записках А. А. Шифнер (директор Этнографического музея в 1856–1878 гг.), Л. И. Шренк, А. А. Штраух (с 1879 г. — директор Зоологического музея, с согласия Ф. Ф. Брандта исполнявший обязанности директора и ранее). Создание объединенного музея было важно не только для проведения научных исследований, но и для просветительной работы.

С 1836 г. в Санкт-Петербурге при ИАН функционировал Этнографический музей, унаследовавший часть коллекций Кунсткамеры. Анатомический музей с Физиологической лабораторией хранил краниологические коллекции, коллекции анатомических редкостей Кунсткамеры и тератологическую коллекцию. Дискуссия о целесообразности существования при академии отдельного Анатомического музея велась на протяжении нескольких лет. Коллекция, составлявшая основу музея, имела историческое значение, но не могла служить предметом интереса и заботы академии, так как не пополнялась («за неимением трупов» /СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 4/), а следовательно, не находилась на современном уровне анатомического знания. По мнению академиков, подобные научные коллекции целесообразнее было бы собирать при медицинских курсах и университетах. Коллекция человеческих черепов больше соответствовала бы Антропологическому музею, которого в то время при академии не существовало. У академии также не было специализированного Археологического музея.

Коллекция Этнографического музея ИАН с 1858 г. хранилась в одном из залов исторического здания Кунсткамеры. Помещение считалось не приспособленным для осмотра его широкой публикой: не было гардероба и отдельного входа (Петри 1911: 3). Работа ученых с коллекциями также была осложнена теснотой помещения. В Этнографическом музее демонстрировались предметы, характеризующие культуру и быт азиатских государств — Китая и Японии («предметы, которые, однако, в настоящее время в гораздо большем числе имеются в разных магазинах, на художественно-промышленных выставках» /СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 3 об./). Недостаток помещений не позволял музею пополнять коллекции, что мешало развитию научной работы. В одной из записок в Конференцию Академии наук Л.И. Шренк отмечал, что частные лица часто отказываются жертвовать музею предметы, после того как видят помещение, в которых они будут храниться (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 3).

Таким образом, отсутствие в составе Академии наук специализированного Археологического музея, общее состояние Анатомического и Этнографического музеев, а также мировые тенденции развития музейного дела потребовали во второй половине XIX в. решительных действий по организации в России такого музея, коллекции которого способны были рассказать о человеке

во взаимосвязи трех наук — археологии, антропологии и этнографии, а также стать базой для комплексных научных исследований.

Для выработки оптимального решения по организации при академии объединенного Музея по антропологии и этнографии (далее — МАЭ) создается специальная комиссия в составе академиком А. А. Шифнера, А. А. Штрауха, Ф. В. Овсянникова и Л. И. Шренка (Решетов 1997: 75). В записке от 24 октября 1878 г. академики А. А. Штраух и Л. И. Шренк предложили схему создания объединенного музея: предполагалось упразднить Анатомический музей, краниологические коллекции передать Этнографическому музею, а тератологические — Зоологическому (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 3–3 об.).

На заседании Физико-математического отделения ИАН 5 декабря 1878 г. было принято постановление об упразднении Анатомического музея. При академии оставалась Физиологическая лаборатория. Краниологические коллекции передавались Этнографическому музею, где, соединившись с коллекциями бронзового века, должны были образовать отдел древностей. Тератологическая коллекция передавалась на хранение Зоологическому музею. При образовании нового музея наиболее остро стояли вопросы финансирования, штата и площадей. Средства, ранее отводившиеся на содержание Анатомического музея, передавались на содержание Музея по антропологии и этнографии. В штатном расписании вновь образованного музея, помимо должности директора, полагалась должность хранителя, которым становился хранитель Этнографического музея. Хранитель Анатомического музея переводился в штат Физиологической лаборатории. Что касается помещений, то комиссия постановила, что желательно было бы отвести под Музей по антропологии и этнографии смежные залы, но за неимением таковых коллекции разделили по разным залам в разных зданиях в помещениях, ранее принадлежавших Этнографическому и Анатомическому музеям. В помещениях, принадлежавших Анатомическому музею, под коллекции, передававшиеся на хранение Зоологическому музею, отводили ближайшую к Физиологической лаборатории комнату. Вследствие этого для антропологических коллекций освобождались комнаты, примыкающие к залу черепов, освобождалось место под коллекции каменного и бронзового веков, которые до этого хранились в помещении Этнографического музея в историческом здании Кунсткамеры. В Этнографическом музее появлялся простор для выставления коллекций. Это позволяло открыть Музей по антропологии и этнографии для публики, подобно тому как функционировали Минералогический и Зоологический музеи. Предпринятые для создания нового музея меры не требовали вложения больших средств, но закладывали прочный фундамент для становления и развития будущего Музея по антропологии и этнографии.

В записке «О преобразованиях в музеях Императорской Академии наук» от 14 апреля 1879 г. Министерство народного просвещения указывает: «Академия признала своевременным и полезным учредить в числе своих музеев Музей по антропологии и этнографии преимущественно России, образовав его из коллекций двух существовавших доселе при Академии музеев: Этнографии и Анатомии» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 10). 12 мая 1879 г. Государственный Совет согласился с предложением Министерства народного просвещения об устройстве музея, 22 октября 1879 г. решение Государственного совета утвердил император Александр II (Решетов 1997: 85). 10 ноября 1879 г. состоялось заседание Физико-математического отделения ИАН, на котором официально было объявлено о создании Музея по антропологии и этнографии (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 14–16).

Юридически музей был создан, получил штатное расписание, бюджет и площади, но фактически его работа как научно-просветительского центра была невозможна, поскольку коллекции располагались в разных зданиях, помещений для научной обработки коллекций и демонстрации их публике было недостаточно. Поэтому говорить о том, что с 1879 г. ведется отсчет истории экспозиционной работы в объединенном музее следует, учитывая указанные выше ограничения.

Вновь открытый музей не вызвал у широкой публики большого интереса. Хранитель Музея по антропологии и этнографии Ф. К. Руссов так описывает МАЭ в то время: «Размещенный в двух,

разделенных улицей, зданиях, лишенный рабочего кабинета как в одном, так и в другом Отделениях, снабженный скудными средствами, ограниченный при наличии соединенных собраний двух музеев рабочими силами лишь одного хранителя и одного служителя, — вновь созданный Музей представлял в действительности довольно нескладный организм, который имел мало шансов на жизнеспособность, ибо сколько-нибудь решительное, фактическое преобразование в переполненных помещениях с самого начала было исключено» (Петри 1911: 4).

Во второй половине XIX в. от недостатка помещений страдал не только вновь образованный Музей по антропологии и этнографии, но и другие учреждения Академии наук. В деле «О постройке нового флигеля для Библиотеки и о размещении Библиотеки и Музеев» приводятся размеры площадей музеев: Азиатского музея (второй этаж дома музеев — 70,35 кв. саж., 140,70 куб. объема) и Этнографического музея (первый этаж дома музеев — 46,4 и 69,60, в здании Библиотеки — 76,1 и 114,15, итого 122,5 кв. саж. и 183,75 куб. объема) (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. Л. 4 об.). Площадь в историческом здании Кунсткамеры делилась между I отделением Библиотеки, книжным складом и Этнографическим музеем.

Появлению у МАЭ новых выставочных залов во многом способствовал президент Академии наук граф Дмитрий Николаевич Толстой, инициировавший строительство флигеля по Таможенному переулку. Архитектором Ф. К. Больтангаеном был предложен проект постройки нового двухэтажного каменного здания с центральным водяным отоплением системы инженера Креля. В подвале здания предполагалось размещение нагревателя и склада топлива. А 1-й и 2-й этажи отводились под помещения Библиотеки (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. Л. 22–25 об.). Судя по смете, планировалось оборудовать в новом здании тамбур для парадного входа, перед входом соорудить металлический зонтик на колоннаде, а также оборудовать современные санитарные объекты: раковину, писсуар, выгребной колодец, пожарный кран (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. Л. 6).

В декабре 1886 г. граф Д. Н. Толстой рапортовал Конференции ИАН, что внутренняя отделка нового здания практически завершена и уже весной 1887 г. возможно размещение в нем учреждений, так что следовало заказать мебель и решить, какие из академических музеев будут размещаться в новых залах. Была организована специальная комиссия под руководством Л. И. Шренка в составе академиков А. А. Штрауха, А. А. Куника, В. В. Радлова, О. Б. Шмидта. Следовательно, членами комиссии являлись непосредственно заинтересованные в данных помещениях люди: библиотекари обоих отделений и директора открытых для публики академических музеев. Комиссия должна была осмотреть новые помещения, коллекции музеев и распределить площади, определить способы экспонирования, удобные для посетителей (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. Л. 33–34).

Комиссия рекомендовала разместить в нижнем этаже нового здания книжный склад, а второй отвести под Музей по антропологии и этнографии. Его бывшие площади в Главном здании Академии наук передавались под остеологический отдел Зоологического музея (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. Л. 42–42 об.).

Получение новых площадей имело для МАЭ большое значение: превышая предыдущие всего на 4,6 кв. м, они имели ряд преимуществ. Во-первых, находились в одном здании. Во-вторых, новые помещения были более пригодны для экспонирования коллекций — лучше освещены и приспособлены для движения публики. Наконец, новые залы имели отдельный вход, что позволяло открывать музей для публики. Таким образом, в России создавался центральный музей по антропологии и этнографии. Подобные музеи в то время уже были организованы во многих государствах мира. Комиссия осознавала, что более благоприятным для развития музея было бы отведение для его нужд и первого, и второго этажей нового здания. Эта мера позволила бы разместить на разных этажах этнографическое и антропологическое отделения. Предполагалось, что в случае переезда книжного склада первый этаж поступит в распоряжение МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. Л. 44–47).

Итак, Музей по антропологии и этнографии получил два зала в новом здании, можно было приступить к оформлению экспозиций. В штате музея в то время числились, помимо директора Л. И. Шренка, два человека — ученый хранитель Федор Карлович Руссов и служитель Прокофий Саминов. Именно Ф. К. Руссов стал идейным и фактическим создателем новой экспозиции музея.

Федор Карлович Руссов родился в Ревеле 2 апреля 1828 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета и карьеру начинал как контролер Эстляндской казенной палаты, вскоре сделавшись ее секретарем. С 1859 г. Ф. К. Руссов одновременно являлся еще и председателем Ревельского Вышгородского Фохтейского суда. В 1863 г. Ф. К. Руссов переводится в Петербург и становится секретарем Горного департамента. С 1865 г. по 1900 г. он служит в Министерстве императорского двора и уделов. В 1865 г. Ф. К. Руссов принимает предложение А. А. Шифнера и становится хранителем, с 1875 г. — ученым хранителем Этнографического музея ИАН. В то время музей насчитывал 4838 предметов (Петри 1911: 1–2). Одновременно в 1886–1900 гг. он переведен в Императорский Эрмитаж и назначен хранителем Кабинета гравюр и рисунков. Ф. К. Руссов (1828–1906) оставил службу в начале 1905 г. (Иванова 2007: 27–28).

Спустя три года после поступления на службу в Этнографический музей, в 1868 г., Ф. К. Руссов испрашивает отпуск для поездки за границу по семейным обстоятельствам. В личном деле Ф. К. Руссова хранится выписка из протокола ИФО от 21 мая 1868 г. «Об отправке за границу», где Ф. К. Руссову поручается во время отпуска, помимо прочих заданий, изучение собраний доисторических древностей каменного и бронзового веков в Берлинском музее, в Нюрнберге, инсбрукском Фердинандмузее (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп.4. Ед. хр. 504. Л. 3). В ходе путешествия он посетил ряд европейских этнографических музеев и в результате сделал доклад на заседании Историко-филологического отделения ИАН 28 января 1869 г., в котором обстоятельно анализировал принципы работы зарубежных музеев. Знакомство с опытом зарубежных музеев в дальнейшем помогло Ф. К. Руссову при планировании, создании и оформлении экспозиции МАЭ.

Одним из главных недостатков европейских этнографических музеев Ф. К. Руссов называет отсутствие печатных путеводителей по экспозициям. Учитывая это, к открытию экспозиции МАЭ был издан «Путеводитель», написанный самим Федором Карловичем. Посещение Пражского музея позволило Ф. К. Руссову при проектировании экспозиции МАЭ учесть опыт в оформлении и расположении витрин и шкафов, наполненных большим количеством предметов, в ограниченном пространстве (Шафрановская 1980: 225). В Европе Ф. К. Руссов познакомился «с принятым за границею порядком наглядного размещения этнографических предметов соответственно особенностям каждого отдельного помещения» (Шафрановская 1980: 224). В то время в части экспозиционной работы передовым считался Берлинский этнографический музей. Руссов при посещении этого музея сделал зарисовки шкафов, витрин, вешалок и пр. (Шафрановская 1980: 225). Следует отметить, что Руссов был энциклопедически образованным человеком и обладал незаурядными артистическими способностями — писал стихи, рисовал и писал красками (Петри 1911: 2), что пригодилось ему при оформлении залов.

Верхний этаж флигеля по Таможенному переулку МАЭ получил в ведение в 1888 г. Ф. К. Руссову в этом помещении выделили кабинет, и он смог приступить к работе по организации экспозиции (Шафрановская 1980: 226). Благодаря природным талантам и использованию опыта передовых на тот момент этнографических музеев Ф. К. Руссов при содействии директора Л. И. Шренка и служителя музея П. Саминова смог в короткий срок создать первую экспозицию МАЭ.

Для обустройства новой экспозиции была частично использована дубовая мебель Кунсткамеры XVIII в., а именно 18 больших и 8 малых стальных шкафов, 4 стальные витрины на столиках (Путеводитель 1891: IV). Этой мебелью был оборудован первый от входа зал. В середине зала для экономии места Ф. К. Руссов установил поперек однообразные шкафы, чередовавшиеся с низкими широкими витринами, равными по длине шкафу. Вдоль окон разместились узкие витрины, а в простенки между окнами были установлены шкафы XVIII в. Все это создавало однообразное и тяжеловесное впечатление. Хранители иностранных музеев при посещении МАЭ обращали внимание

на специальные приспособления, придуманные Руссовым для облегчения осмотра — особого рода полки и вертушки (Петри 1911: 6). При создании экспозиции была разработана система нумерации на шкафах и витринах, демонстрирующих этнографические коллекции. Шкафы справа от входа имели нечетные номера, слева — четные. У шкафов и витрин в центре зала каждая продольная сторона носила свой отдельный номер, обозначенный римскими цифрами. Антропологическое отделение имело отличную нумерацию, нанесенную на особые бляхи коричневого цвета (Путеводитель 1891: IV). Помещений для выставления всех коллекций МАЭ не хватило, поэтому анатомические коллекции были размещены в подвальном здании академии (Петри 1911: 6).

Ф. К. Руссов придерживался принципа демонстрации культур по географическим районам, но там, где это было возможно, крупные коллекции (Н. Н. Миклухо-Маклая, В. В. Юнкера) не разделялись и выставлялись целиком. Внутри одного региона вещи в витринах могли подбираться по территориальному признаку, по материалу, а также по назначению, либо же демонстрировались коллекции отдельных собирателей (Петри 1911: 6). Переустройство МАЭ Ф. К. Руссов выполнил без регистрации коллекций. Систематизация разрозненно хранившихся предметов и выявление экспонатов, принадлежащих конкретным собирателям, стали возможны благодаря его многолетней поисковой архивной работе, тщательному анализу списков, этикеток при предметах и других документальных источников (Иванова 2007: 14).

В первом зале размещались этнографические коллекции, посвященные культуре народов России, Азии, Африки и Австралии (в действительности — разных районов Океании). В половине второго зала размещались коллекции по культуре коренного населения Америки. Некоторые крупные этнографические предметы размещались в «сенях» (т. е. при входе в музей, на лестнице).

В другой половине второго зала размещались антропологические коллекции: древности каменного века, человеческие черепа и скелеты вместе со «снятыми с живых людей масками, представляющими разнообразные типы человеческих рас».

В так называемых «сенях» экспонировались крупные этнографические предметы: четыре байдарки (две однолучные алеутские и эскимосская байдарки, а также трехлучная, подаренная музеем в 1806 г. Ю. Ф. Лисянским). С двух сторон лестницы демонстрировались «камчатские легковые сани с полозьями из китового уса», «крашенные лапландские сани в виде лодок», а также огромный «мексиканский таз». На нижней площадке лестницы разместили новозеландские копы (Путеводитель 1891: 1). На стене у окна были выставлены модели разборных жилищ северных кочевых народов: слева — модель основы монгольской юрты, справа — модель калмыцкой кибитки. На верхней площадке лестницы располагались египетские саркофаги и мумии, подаренные музеем В. В. Юнкером. Таким образом, уже при входе в музей посетители могли представить широкий ареал территорий, с которых поступали коллекции в МАЭ. Разместив крупные предметы на лестнице, Ф. К. Руссов сэкономил место в экспозиционных залах.

Первый зал был полностью отведен этнографическому отделению, внутри которого выделялись тематические блоки. Открывался зал коллекциями по культуре народов, населявших Российскую империю. Эти собрания делились на две части — древности (археологические коллекции) и этнографические предметы. Древности занимали две витрины внешнего круга, там размещались коллекции предметов, найденных в Восточной Сибири, курганах Тверской области, Крыма, Владимирской и Ярославской губерний, и в двух витринах внутреннего круга — коллекции вещей, найденных при раскопках насыпей на месте Сарая и в Астраханской губернии, черепки и обломки глиняной посуды из Бухары — Кульджи (эти предметы были переданы в музей д-ром А. Э. Рейгелем) (Путеводитель 1891: 5). Для сравнения в одной из витрин были выставлены изделия бронзового века, обнаруженные в Дании.

Большее количество витрин занимали этнографические коллекции по культуре народов Сибири, Приамурья, Кавказа, Средней Азии. Были представлены предметы быта, одежда, оружие, домашняя утварь, принадлежности культа. Эти предметы в основном поступили в музей благодаря академическим экспедициям, т. е. были тесно связаны с историей Академии наук.

Азиатские коллекции Руссов разделил на несколько частей: китайско-японские собрания, китайские художественно-промышленные изделия, принадлежности буддийской веры, Зондские острова.

Поскольку на культуру южносибирских и восточносибирских народов большое влияние оказали народы Китая и Японии, за русско-сибирским отделом расположились именно эти коллекции и собрания из принадлежавшей Японии и Китаю Кореи, а также с Зондских островов. Так, целый шкаф был отведен под предметы с о-ва Ява, в частности под коллекции, характеризующие яванское театральное представление. Эти предметы были пожертвованы музеем секретарем Голландского посольства на о-ве Ява де Стюрлером.

Стоит отметить, что китайские коллекции хранились еще в Кунсткамере Петра Великого. В отдельную группу на новой экспозиции были выделены китайские художественно-промышленные изделия: медная с эмалью и фарфоровая посуда, бронзовые изделия (в основном курильницы), подсвечник, нефритовые чашки, резная деревянная и лакированная посуда (в том числе резной поставец с десятью мелкими коробочками в виде плодов), чаши из рога носорога и кокосового ореха, большой стакан из бамбука, изделия из слоновой кости и камня, музыкальный инструмент из фонолита, украшения, ларец и коробки для письменных принадлежностей, чайники, кувшины, чашки, блюда, маленькие экраны из слоновой кости, детские игрушки (Путеводитель 1891: 21–22).

Средний проход во второй зал был оформлен двумя большими канделябрами из фонарей, подвешенных к высоким деревянным подставкам, которые Ф. К. Руссов отнес к разряду художественно-промышленных изделий, а к потолку была подвешена «сень к жертвеннику с шелковыми подвесками святых цветов» (Путеводитель 1891: 23). Эти предметы были отнесены уже к принадлежностям буддийской веры. Под эти коллекции было отведено в общей сложности семь шкафов на первом зале. Буддийские предметы были разнообразны, поступили из разных мест: Китая, Монголии, Японии, от бурят. Принадлежности буддийско-ламаистского культа оказались выделены в отдельный отдел, так как имели огромное значение для изучения культуры народов Сибири.

Вторая часть первого зала была отведена под африканские коллекции: подаренная В. В. Юнкером коллекция, «принадлежности арабских племен», «принадлежности негров» (Путеводитель 1891: 30–41). Особой границы между выставлением азиатских и африканских коллекций не существовало. Так, XX шкаф смог вместить в себя три подраздела экспозиции: образцы оружия с Больших Зондских островов (о. Борнео, о. Суматра, о. Целебес) и из Африки (предметы с побережья Гвинейского залива и коллекция, подаренная В. В. Юнкером).

В XIX в. в Европе возник интерес к африканской культуре. Вследствие этого в этнографических музеях стали появляться африканские экспозиции. Африканский раздел МАЭ благодаря коллекции В. В. Юнкера считался одним из богатейших в Европе. В коллекции В. В. Юнкера особое место занимали музыкальные инструменты. Музыка — важная часть африканской культуры, и уже в первой экспозиции МАЭ была проведена работа по систематизации музыкальных инструментов: ударные, духовые, струнные демонстрировались отдельно друг от друга в нескольких шкафах и витринах (Путеводитель 1891: 31–32).

Третья часть экспозиции первого зала была отведена «австралийским» коллекциям, которые объединяли предметы с островов Тихого океана. Выделены коллекции бытовых принадлежностей папуасов с северных берегов о-ва Новая Гвинея, подаренные Баудом и де Брюином, а также Н. Н. Миклухо-Маклаем. Витрины в этой части зала были чрезвычайно наполнены. В одной из них одновременно размещались и предметы культа, и оружие, и костюмы, и музыкальные инструменты. Огромное значение новых выставочных площадей заключалось в том, что наконец-то возможно стало представить широкой публике полностью интереснейшие коллекции, подаренные Н. Н. Миклухо-Маклаем (Путеводитель 1891: 41–55).

Во втором зале размещались и этнографические коллекции по культуре народов Америки, но часть помещения была отведена антропологическому отделению.

Коллекции из Нового Света собирались в то время, «когда туземцы стояли еще на стадии развития каменного века и их самобытный образ жизни не был изменен соприкосновением с европейцами» (Путеводитель 1891: 56). Этот раздел экспозиции был построен по географическому принципу: Северо-Западная Америка (эскимосы, алеуты, кадьякцы, индейцы Калифорнии, кенайцы), Бразилия, Перу, Мексика. Преобладали коллекции по этнографии народов, населяющих бывшие российские владения на северо-западном побережье Северной Америки.

В разделе «Бразилия» всего лишь два шкафа и полторы витрины оказались заполнены бытовыми принадлежностями индейских племен: «головные украшения, серьги, ожерелья, бусы, браслеты и пояса, убранные звериными зубам и когтями, ракушками, каменные топоры и деревянные кистени с узорами, принадлежности одежды из перьев, а также обработанного деревянного лыка» (Путеводитель 1891: 65). Демонстрировались также два гамака, один из них, убранный перьевой бахромой, был получен в 1791 г.

Собрания из Перу занимали один шкаф: выставлялись древние глиняные сосуды, найденные в могильниках вместе с мумиями, деревянные с резьбой сосуды. В этом же шкафу между перуанскими коллекциями хранились предметы из Мексики — идолы: один в виде каменной пернатой змеи, другой в виде человеческой фигурки — и разные мелкие поделки из глины, поступившие в Кунсткамеру в 1783 г. (Путеводитель 1891: 65).

Антропологическое отделение делилось на отдел древностей каменного века и отдел человеческих черепов и скелетов. В «Путеводителе» в пояснении сказано, что коллекции этого отдела относились преимущественно к неизвестным народам, ранее населявшим территорию Российской империи. Эти собрания были подарены музею магистром зоологии И. С. Поляковым. Поскольку ранее публика уже имела возможность видеть подобные орудия труда и оружие народов, населяющих острова Тихого океана и побережья Берингова моря, данные коллекции были представлены посетителям для беглого осмотра и не требовали подробных объяснений, поэтому в «Путеводителе» указывалось лишь место находки (Путеводитель 1891: 66). В таблице 1 приведены сведения о том, какие именно предметы были объединены в отдельных шкафах антропологического отделения.

Т а б л и ц а 1

Древности каменного века

№ шкафа	Откуда находки
1	Верх и низ шкафа — Америка, середина — Япония
2	о. Сахалин
3	Финляндия (слепки с орудий)
4	Средняя и восточная части Европейской России (остатки найдены вместе с костями мамонта)
5	Сибирь, Приамурье, Кавказ
6	Олонецкая губерния и север Европейской части России
7	Дания, Швейцария, Франция и др.
8	Образцы тканей, ниток, шнурков, семян, орехов, сушеных плодов и прочее, каменные и костяные орудия, найденные по берегам Швейцарских озер на местах поселений

Отдел человеческих скелетов и черепов делился на три подотдела — черепа и скелеты из могил и курганов (три шкафа находок из европейской части России и три шкафа — из азиатской), черепа и скелеты современных народов (см. табл. 2), гипсовые маски (слепки).

Обращает внимание, что в одном из шкафов были выставлены вместе скелет великана Николая Буржуа, гайдука Петра Великого, и скелет гиляка — явно для сопоставления. Отдельно экспонировались мумии — перуанские и египетские.

Т а б л и ц а 2

Череп и скелеты современных народов

№ шкафа	Содержание шкафа
14	Русские
15	Кавказские народы
16 (левая сторона)	Крымские караимы
16 (правая сторона), 17, 18	Финские народы
19–21	Татарские народы
22	Монгольские народы
23	Тунгусские народы. Гиляки
24	Айны
25, 26 (левая сторона)	Азия
26 (правая сторона)	Австралия
27	Америка
28	Африка
29	Европа
30	Скелет гайдуга Петра Великого Н. Буржуа и скелет гиляка
31 (левая сторона)	Рука и нога от египетских мумий
31 (правая сторона)	Голова текинца в спирту

В третьем подотделе антропологического отделения хранились «маски, снятые с живых людей» (Путеводитель 1891: 68), воспроизводящие антропологические типы современного населения Земли. На подоконниках разместили типы русских инородцев, айнов, гиляков и ороков о. Сахалин (коллекция, подаренная доктором Супруненко). Азиатские типы и два типа северо-американских индейцев — гальванопластические слепки с гипсовых масок — располагались на шкафах отдела каменного века и на стене около шкафа 7 (коллекция, подаренная братьями Шлагинтвейт). Австралийские типы — раскрашенные гипсовые слепки (коллекция, составленная доктором О. Финшем) — были помещены на шкафах, в витрине 32 и по стенам в отделе черепов и скелетов.

Можно предполагать, что этнографические коллекции были интересны и понятны широкой публике, а вот антропологическое отделение рассчитано на специалистов и любителей естественной истории.

Новую экспозицию музея 23 сентября 1889 г. осмотрел президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович (Решетов 1997: 77). К тому моменту залы были полностью готовы к приему посетителей. Эта первая экспозиция МАЭ, в которой антропологические, этнографические и археологические коллекции оказались представлены во взаимосвязи, демонстрировала человечество действительно как единое целое. К сожалению, Академия наук не выделила средств на наем охраны (Корсун 2015: 190), так что для широкой публики музей открылся только 22 марта 1891 г. В двух залах была представлена значительная часть коллекционного фонда МАЭ, насчитывавшего уже свыше 16 тысяч предметов (Петри 1911: 5). К этому времени было приурочено издание «Путеводителя по музею Императорской академии наук

по антропологии и этнографии» (1891) объемом 70 страниц, составленного Ф. К. Руссовым. Таким образом, широкая публика могла осматривать музей самостоятельно, получая научные сведения о предметах из достоверного печатного источника, поскольку шкафы и витрины на экспозиции не сопровождались какими-либо пояснительными текстами.

Как видим, МАЭ в начале 1890-х годов еще уступал по богатству и разнообразию коллекций европейским и американским музеям. Но российские собиратели начали формировать коллекционный фонд еще в XVIII в., т. е. в то время, когда изучаемые народы не потеряли свою самостоятельность и культурную идентичность. На экспозиции академического Музея по антропологии и этнографии эти исторические редкости соседствовали с собраниями современников — ученых, путешественников, дипломатов и др. Усилиями директора музея академика Л. И. Шренка и ученого хранителя Ф. К. Руссова широкой публике стала известна коллекционная база ряда академических учреждений, собранная как на территории России, так и за рубежом. Особо подчеркнем традиционное внимание Академии наук к просветительско-образовательной деятельности, выразившееся в обязательном издании музеем научного «Путеводителя» (1891), доступного заинтересованной аудитории. Предложенная Ф. К. Руссовым модель постоянной экспозиции вновь образованного Музея по этнографии и антропологии создавалась с учетом опыта ведущих европейских этнографических музеев того времени, выдержала испытание временем и мало менялась на протяжении почти четверти века. Получение МАЭ в 1888 г. двух залов на втором этаже флигеля по Таможенному переулку, создание в 1889 г. экспозиции и открытие ее для широкой публики в 1891 г. стали отправной точкой для постепенного расширения экспозиционных площадей музея. Тем самым создавались условия для развития МАЭ как научно-исследовательского и просветительско-образовательного центра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Иванова Л. А. Материалы к биографии Федора Карловича Руссова — первого ученого хранителя Музея антропологии и этнографии // Культура и быт австронезийских народов (История коллекций и их собиратели). СПб., 2007. С. 11–32. (Сборник МАЭ. Т. LIII).

Корсун С. А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб., 2015.

Петри Е. Л. Федор Карлович Руссов. Первый Ученый хранитель Музея по Антропологии и Этнографии при Императорской Академии наук // Сборник Музея по Антропологии и Этнографии при Императорской Академии наук. Т. I. Вып. 10. СПб., 1911. С. 1–8.

Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук. СПб., 1891.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Об учреждении при Академии наук Музея антропологии и этнографии.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1882. Ед. хр. 14. О постройке нового флигеля для Библиотеки и о размещении Библиотеки и музеев.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 504. Личное дело Руссова.

Решетов А. М. Леопольд Иванович Шренк (к 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6–7. СПб., 1997. С. 72–87.

Шафрановская Т. К. Первый хранитель МАЭ Ф. К. Руссов // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. С. 224–228. (Сборник МАЭ. Т. XXXV).

**ON THE ORGANIZATION OF THE FIRST EXPOSITION
OF THE UNITED MUSEUM ON ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES**

ABSTRACT. In the second half of the nineteenth century Russia there was an urgent need to create a museum which would house the ethnographic, archaeological and anthropological collections of the Imperial Academy of Sciences. This article examines the concept of creating the first permanent exhibition in the new Academic Museum of Anthropology and Ethnography, which was created in St. Petersburg in 1879. The Anatomical and Ethnographic museums, separated from the St. Petersburg Kunstkamera in the early nineteenth century, were almost unknown to the public. The integration of these two museums' collections and acquisition of new exhibition areas (1888) stimulated the development of the MAE as a research and educational center. The director of the MAE academician L.I. Schrenk and the academic curator F.K. Russow organized the first permanent exhibition of the museum, which opened its early ethnographic, archaeological and anthropological collections to the public. SPbF ARAS and MAE archival materials, as well as the *Guidebook to the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences* by F.K. Russow (1891), help us to reconstruct the basic principles of the first permanent exhibition of the MAE (1889–1891).

KEYWORDS: exposition in academic museum, L.I. Schrenk, F.K. Russow, Museum of Anthropology and Ethnography

EKATERINA S. SHERSTENNIKOVA — Chief administrator, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: KaterinaShers@mail.ru